

Научная статья

УДК 821

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-6-71-79

РУССКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ И ПОЛЬСКИЙ ПОЭТ В ТРАГЕДИИ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

Джанумов С. А.

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Поступила в редакцию 09.04.2025

Принята к публикации 21.04.2025

Аннотация

Цель. Анализ и осмысление характеров персонажей трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: русского летописца Пимена и безымянного польского поэта.

Процедура и методы. В основе статьи – сравнительный подход, стремление выделить те компоненты, которые выявляют сущность указанных выше персонажей, использовать метод их сравнительной характеристики, сформулированный в многочисленных работах отечественных литературоведов, а также исследователей пушкинской драматургии.

Результаты. Делается вывод, что в трагедии «Борис Годунов» Пушкину удалось реализовать то требование, которое он предъявлял драматическому писателю: «...воскресить минувший век во всей его истине». Характеры русского летописца и польского поэта, а заодно и Самозванца, поскольку он так или иначе связан с этими персонажами, не только историчны, но обрисованы с художественной достоверностью и замечательной психологической правдой. Репликам, по существу, монологам Пимена отведено в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» немало места, придворный поэт наделён в сцене «Краков. Дом Вишневецкого» только одной репликой, но мы получаем полное представление о каждом из этих персонажей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Новизна и оригинальность в изображении Пимена сказались, с одной стороны, в удивительном умении Пушкина мысленно перенестись в начало XVII в., воссоздать обобщённый образ русского монаха-летописца, проникнутого глубоким религиозным настроением, а с другой – несколькими, но выразительными штрихами изобразить лстивого католического поэта, готового угождать своими «латинскими стихами» любому, даже сомнительному и самозваному царевичу. Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нём наблюдения и выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении трагедии Пушкина «Борис Годунов».

Ключевые слова: летописец, летопись, персонаж, поэт, характер

Для цитирования:

Джанумов С. А. Русский летописец и польский поэт в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Отечественная филология. 2025. № 6. С. 71–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-6-71-79>.

Original research article

THE RUSSIAN CHRONICLER AND THE POLISH POET IN A. S. PUSHKIN'S TRAGEDY "BORIS GODUNOV"

S. Dzh anumov

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

© СС ВУ Джанумов С. А., 2025.

Received by the editorial office 09.04.2025

Accepted for publication 21.04.2025

Abstract

Aim. To analyze and comprehend the characters of A. S. Pushkin's tragedy "Boris Godunov": the Russian chronicler Pimen and the unnamed Polish poet.

Methodology. The article is based on a comparative approach and is made to highlight those components that reveal the essence of the characters mentioned above, to use the method of their comparative characteristics formulated in numerous works of Russian literary scholars and researchers of Pushkin's playwriting.

Results. It is concluded that in the tragedy "Boris Godunov" Pushkin managed to realize his own requirement which he presented to a dramatic writer: "... to resurrect the past century in all its truth." The Russian chronicler, the Polish poet, and the Pretender, who is somehow connected with these characters, are not simply historical; they are endowed with artistic authenticity and remarkable psychological truth. Pimen's lines, in fact, take a lot of space in the scene "Night. Cell in the Chudov Monastery", and the court poet has only one line in the scene "Krakow. Vishnevetsky's House", but readers get a complete picture of each of these characters.

Research implications. The novelty and originality in the depiction of both Pimen particularly and Pushkin's amazing ability to mentally transport himself to the beginning of the 17th century were reflected, thanks to which Pushkin recreated a generalized image of a Russian monk-chronicler, imbued with a deep religious mood, and on the other hand, depicted a flattering Roman Catholic poet with several but expressive strokes, ready to please anyone, even a dubious and self-proclaimed prince, with his "Latin verses." The practical significance of the study lies in the fact that the observations and conclusions contained in it can be used in further study of Pushkin's tragedy "Boris Godunov."

Keywords: chronicler, chronicle, character, poet, personality

For citation:

Dzhanumov, S. A. (2025). The Russian Chronicler and the Polish Poet in A. S. Pushkin's Tragedy "Boris Godunov". In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 6, pp. 71–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-6-71-79>.

Введение

В пушкинской трагедии выведены два действующих лица, казалось бы, имеющих косвенное отношение к главным персонажам – Борису Годунову и Самозванцу. Это взаимно противоположные, можно сказать, полярные личности: независимо мыслящий, беспристрастный православный летописец Пимен и льстивый, готовый угождать любому властителю придворный католический поэт, даже не названный по имени.

В статье «<Письмо к издателю "Московского Вестника">» (условно датируется началом 1828 г.) Пушкин замечал: «Характер Пимена не есть моё изобретение. В нём собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умильная кротость, нечто младенче-

ское и вместе мудрое, усердие [можно сказать] набожное к власти царя, данной им Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия – дышат в сих драгоценных памятниках времён давно минувших...»¹

Пушкин о летописях и летописцах

Новизна и оригинальность в изображении Пимена сказались в удивительном умении Пушкина мысленно перенестись в начало XVII столетия, взглянуть на эпоху Смуты глазами её современников, воссоздать обобщённый образ древнерусского монаха-летописца, проникнутого глубоким религиозным настроением. Но Пимен у Пушкина не только летописец, усердно и трудолюбиво ведущий запись истори-

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 68.

ческих событий древнего и нынешнего времени, с добавлением «правдивых сказаний» и легенд. Как отмечал в своей книге «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (М., 1957) Г. А. Гуковский, Пимен «скорее древнерусский поэт» [1, с. 30]. Неслучайно в конце сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» Пимен советует Григорию Отрепьеву не ограничиваться регулярной записью каких-либо событий, а смотреть на труд летописца шире, осознать его почти как писательское дело:

...В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны...¹

Правда, Григорий, «монашеской неволею скучая», не внял этому совету Пимена, избрал себе другой род деятельности – политического авантюриста и самозванца. Зато великий писатель земли русской Л. Н. Толстой именно в словах пушкинского летописца нашёл заглавие для своего монументального романа «Война и мир».

Говоря об особом характере и своеобразии летописного дела в Древней Руси, В. О. Ключевский в своём «Курсе русской истории» указывал: «Летописание было любимым занятием наших древних книжников. Начав послушным подражанием внешним приёмам византийской хронографии, они скоро усвоили её дух и понятия, с течением времени выработали некоторые особенности летописного изложения, свой стиль, твёрдое и цельное историческое мирозерцание с однообразной оценкой исторических событий и иногда достигали замечательного искусства в своём деле. Летописание считалось богоугодным, душеполезным делом» [2, с. 91].

В упомянутом выше «<Письме к издателю “Московского Вестника”>» (т. е. к М. П. Погодину) Пушкин обращает вни-

мание своего адресата на новизну и вместе с тем на хорошо знакомые традиционные черты русского национального характера Пимена: «Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отражённое в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя...»²

Но автор «Бориса Годунова» обманулся в своих ожиданиях: «...что же вышло? Люди умные, – пишет далее с нескрываемой иронией и вместе с тем с горечью Пушкин, – обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми, другие сомневались, могут ли стихи без рифм называться стихами. ... Нововведения опасны и, кажется, не нужны»³.

Правда, наиболее проникательные, осведомлённые и хорошо знающие русскую историю читатели пушкинской трагедии сразу оценили историзм и новаторство «Бориса Годунова», поистине шекспировское «вольное и широкое изображение» характера Пимена. Одним из таких читателей и был историк, драматург, издатель «Московского Вестника» М. П. Погодин, который спустя много лет в своих воспоминаниях так передал то потрясение, которое испытали первые слушатели «Бориса Годунова» в авторском чтении 12 октября 1826 г. в доме поэта Дмитрия Веневитинова в Москве: «Первые явления выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила. Мне показалось, что мой родной и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена, мне послышался живой голос русского древнего летописателя».⁴

В 1836 г. именно с древнерусским агиографом Нестором (ок. 1056–1114), который

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 23.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 68.

³ Там же.

⁴ Из воспоминаний о Пушкине (1826–1837) М. П. Погодина // Русский Архив. 1865. № 1. Стб. 98.

вошёл в историю как Нестор Летописец, также Нестор Печерский, Пушкин связывал начало русского летописания. В «<Заметках при чтении “Нестора” Шлёцера>» Пушкин предлагает отечественным историкам следовать примеру немецкого историка, публициста Августа Людвиг Шлёцера (1735–1809), в 1761–1767 гг. состоявшего на русской службе и работавшего в Императорской Академии наук: «Смотри, чем начал Шлецер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, букву в букву...». «А наши!...»¹, – с досадой замечает тут же Пушкин, по видимому, имея в виду, что Шлёцер всерьёз увлекался русскими летописями и, уже вернувшись в Германию, стал писать своего «Нестора» (1802–1809).

О том, какое большое значение придавал сам Пушкин русским летописям, красноречиво свидетельствуют многочисленные примеры. Так, в «<Набросках предисловия к “Борису Годунову”>» (датируется 1829–1830), говоря о главных источниках своей трагедии, он замечает: «Изучение Шекспира, Карамзина и *старых наших летописей* (здесь и ниже курсив наш. – С. Д.) дало мне мысль облечь в драматические (здесь и далее орфография Пушкина. – С. Д.) формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. ... В *летописях* старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богаты!...»²

В незавершённой статье «О ничтожестве литературы русской» (1833–1835) Пушкин указывает, кто и где составлял летописи: «В безмолвии монастырей иноки вели свою непрерывную летопись». И в той же статье несколькими строками ниже Пушкин ещё раз отдаёт приоритет русским летописям по сравнению с архивными материалами и «вивлиофиками» (имеются в виду книгохранилища, библиотеки): «...но старинные наши архивы и вивлиофики, кроме *летописей* (здесь и ниже кур-

сив наш. – С. Д.), не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей».³

В рецензии на издание сочинений украинского писателя архиепископа Георгия Конисского (в миру Григорий Осипович Конисский; 1717–1795) «Собрание сочинений Георгия Конисского...» (1836) Пушкин с похвалой отмечает, что этот церковный деятель в своём труде «История Малороссии» «...сочетал *поэтическую свежесть летописи* с критикой, необходимой в истории»⁴.

Наконец, в «<Плане истории русской литературы>» (1829) первый же пункт начинается со слова «летописи», затем по степени важности для изучения идут фольклорные жанры: «*Летописи*, сказки, песни, пословицы».⁵

Желая подчеркнуть непреходящее значение Н. М. Карамзина для отечественной истории и литературы, Пушкин не раз сравнивает его с летописцем. В рецензии на вышедший в октябре 1829 г. первый том труда Н. А. Полевого «“История русского народа”, сочинение Николая Полевого. Том 1...» (1830), Пушкин защищает Карамзина от обвинений и нападок Н. А. Полевого, который подчёркивал, что «История Государства Российского» «...летопись, написанная мастером, художником таланта превосходного, убедительного, а не История».

Пушкин подхватывает это суждение, но в полемических целях придаёт ему другой, прямо противоположный, даже апологетический смысл в точных и ёмких афористических определениях и характеристиках Карамзина-историка: «Карамзин есть первый наш и последний *летописец* (здесь и ниже курсив наш. – С. Д.). Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами (апофегма – краткое нравоучительное изречение. – С. Д.) хронике. ... Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую пре-

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 207.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 140.

³ Там же. С. 268.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 18.

⁵ Там же. С. 208.

лесть древней летописи».¹ И далее, в той же рецензии, Пушкин ещё раз упоминает о «простодушной наготе летописи».²

Сближает с Пименом добровольное и длительное затворничество, уединение Карамзина, отошедшего от светской, мирской жизни в пору работы над «Историей Государства Российского». Вспомним, что писал Пушкин вскоре после смерти Карамзина в одной из автобиографических записок, впервые напечатанных в альманахе «Северные цветы» на 1828 г., изданные бароном Дельвигом. Отдел: Проза: «...почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в учёный кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам».³

Как видим, и здесь Пушкин подчёркивает и выделяет те качества, которые, по его мнению, присущи древним летописцам: трудолюбие, добровольное затворничество, смирение, кротость, мудрость, беспристрастие, чувство долга. Но ведь это именно те черты, которые подмечают во внешнем облике и характере Пимена другие персонажи «Бориса Годунова»: «Григорий. Как я люблю его спокойный вид, / Когда, душой в минувшем погруженный, / Он летопись свою ведёт...»; «Ни на челе высоком, ни во взорах / Нельзя прочесть его сокрытых дум; / Всё тот же вид смиренный, величавый»; «Игумен. ...а я, видя, что он (Григорий Отрепьев. – С. Д.) ещё млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному...»⁴

Да и сам Пимен говорит о себе и своём труде: «Ещё одно, последнее сказанье – / И летопись окончена моя, / Исполнен долг, завещанный от Бога / Мне грешному»; «Когда-нибудь монах трудолюбивый / Найдёт мой труд, усердный, безымянный...»; «Своих царей великих поминают / За их труды, за славу, за добро...»; «Но с той поры лишь ведаю блаженство, / Как в

монастырь Господь меня привёл»; «Сей повестью плачевной (рассказом об убийстве царевича Димитрия. – С. Д.) заключу / Я летопись мою; с тех пор я мало / Вникал в дела мирские».⁵

В статье «Метасюжет “поэт vs государь” в “Борисе Годунове” А. С. Пушкина» (2024) современный литературовед С. Б. Калашников отмечает: «Пимен, т. е. поэт, которому принадлежит история народа, определяет своё предназначение как завещанное от Бога. Поэзия приобретает в образе Пимена своё высшее предназначение и сакральный статус».⁶

Польский поэт и его «латинские стихи»

Полную противоположность спокойному, умудрённому и величавому Пимену представляет в сцене «Краков. Дом Вишневецкого» безымянный польский поэт: беспринципный, угодливый, готовый прославлять своими виршами любого правителя – реального или потенциального, в данной ситуации – Самозванца, к которому этот поэт подобострастно обращается со лстивыми словами: «Великий принц, светлейший королевич!». Показательна и авторская ремарка, ярко и зримо рисующая эту сцену: «(приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу)».⁷

Кстати, эта жестикующая («хватая... за полу»), но уже без нарочитого подобострастия, в шутовском тоне воспроизведена в «Евгении Онегине» (глава четвёртая, строфа XXXV), и как раз в связи с трагедией «Борис Годунов»:

Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедий в углу...⁸

⁵ Там же. С. 17, 17, 20, 22.

⁶ Калашников С. Б. Метасюжет “поэт vs государь” в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина // Русская литература: мифы и реальность: учебное пособие / сост. Т. Г. Дубинина, О. В. Гаврилина. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 102–103.

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 53.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 88.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 120.

² Там же. С. 121.

³ Пушкин А. С. Дневники, Записки. СПб.: Наука, 1995. С. 95.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 18; 24.

Ю. М. Лотман следующим образом комментирует эти строки: «Работая в 1824–1825 гг. над “Борисом Годуновым”, П читал его А. Н. Вульффу. ... В авторском “я” этой строфы выступают черты литературного стереотипа писателя-графомана, который ловит слушателей и “душит” их своими декламациями».¹

Разумеется, польский придворный поэт не имеет даже отдалённого сходства с этим «писателем-графоманом», но парадоксальным образом и автор «латинских стихов» из «Бориса Годунова», и русский автор трагедии, не без автобиографической подгруппы шутиливо обрисованный Пушкиным в «Евгении Онегине», текстурально сближены. Как тут не вспомнить многократно цитировавшееся пушкинское суждение, сказанное по другому поводу и в связи с другим произведением: «Бывают странные сближения».²

Но вернёмся к сцене «Краков. Дом Вишневецкого». Польский поэт подаёт Самозванцу бумагу со словами: «Примите благосклонно / Сей бедный плод усердного труда».³ Эпитет «усердный» по отношению к летописному или поэтическому труду неоднократно был опробован Пушкиным: в том же «Борисе Годунове» в словах Пимена: «Когда-нибудь монах трудолюбивый / Найдёт мой *труд усердный*, безымянный... (здесь и ниже курсив наш. – С. Д.)»⁴; в «Евгении Онегине», где Пушкин иронически и несколько пренебрежительно отзывается об альбомных стишках, в том числе и своих: «...Что всякой мой *усердный вздор* / Заслужит благосклонный взор...»⁵ (ср. другую тональность и другой, возвышенный стиль в словах поэта о своём романе в стихах после его завершения: «Миг

вожделенный настал: окончен мой *труд многолетний*...»⁶).

Не раз в своём творчестве использует Пушкин и слово «плод» в переносном значении, как результат вдохновенной поэтической деятельности, поэтических мечтаний, например, в «Евгении Онегине»: «И журналистам на съеденье / Плоды трудов моих отдам...»⁷; «Но я плоды моих мечтаний и гармонических затей / Читаю только старой няне, / Подруге юности моей...»⁸

Следует подчеркнуть, что приведённая выше реплика польского поэта, – единственная в сцене «Краков. Дом Вишневецкого», и дальнейшее представление о стиле и языке, эмблемно-символическом содержании его стихов мы получаем уже опосредованно, со слов Самозванца:

Что вижу я? Латинские стихи!

Стократ священ союз меча и лиры –

Единый лавр их дружно обвивает.

Родился я под небом полунощным,

Но мне знаком латинской Музы голос,

И я люблю парнаасские цветы⁹.

Здесь заодно Самозванец говорит и о своих поэтических пристрастиях, характеризует собственные эстетические вкусы. Ведь в какой-то степени Григорий Отрепьев, когда он ещё обитал в Чудовом монастыре, тоже был сочинителем. Вспомним сцену «Палаты патриарха», где игумен Чудова монастыря так отзывается о Григории: «...и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым...»¹⁰ Напомним, что каноны – церковные песнопения в честь какого-либо праздника или святого.

В статье «Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов» (1969) И. З. Серман обращает внимание на то, что «Самозванец сочиняет “каноны свя-

¹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. С. 246; 247.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 188.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 54.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 85.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 230.

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 30.

⁸ Там же. С. 88.

⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 54.

¹⁰ Там же. С. 24.

тым», иными словами, Самозванец – поэтическая натура. ... Сочинение канонов, о котором лаконично сообщается в трагедии, на самом деле было очень серьёзным поэтическим трудом» [3, с. 120].

Таким образом, в сцене «Краков. Дом Вишневецкого» мы имеем не одного, а двух поэтов: безымянного польского и русского, который в разных сценах именуется по-разному: «Григорий», «Григорий Отрепьев», «Гришка», «Самозванец», «Димитрий», «Лжедимитрий».

А раз Самозванец, как это вытекает из текста трагедии, поэтическая натура, то все его рассуждения о «латинских стихах», «латинской Музе», «парнасских цветах» характеризуют не столько польского поэта, сколько его самого. В той же статье И. З. Серман подчёркивает: «Самозванец говорит (имея в виду приведённую выше реплику Самозванца. – С. Д.) как будто о поэте вообще, прославляет пророческий дар их, но этот панегирик поэту есть одновременно и его самоутверждение» [3, с. 121].

Кстати, и самому Пушкину ещё с лицейских лет был знаком «латинской Музы голос», о чём, например, свидетельствует стихотворение «К бар<онессе> М. А. Дельвиг» (1815), где он полушутливо-полусерьёзно обещает младшей сестре А. А. Дельвига написать «в латинском вкусе мадригал»¹ (возможно, в таком же «латинском вкусе» сочинены и стихи польского поэта в «Борисе Годунове»).

А уже в конце жизни, в стихотворении «< Кн. Козловскому>» («Ценитель умственных творений исполинских...», 1836), незавершённом послании к князю П. Б. Козловскому (1783–1840), диплома-ту, эрудиту, знатоку и любителю римских классиков, опять-таки упоминаются «музы латинские»: «Друг бардов английских, любовник муз латинских...»² В статье «[Князь Пётр Борисович Козловский]» (1874) П. А. Вяземский подтверждает эту характеристику Пушкина: «Латинский язык,

латинские писатели были ему свои» [4, с. 157]. И далее, в той же статье, Вяземский вспоминает, что «в литературных беседах своих с Пушкиным настоятельно требовал он (П. Б. Козловский. – С. Д.) от него перевода любимой своей сатиры Ювенала «Желания». И Пушкин перед концом своим готовился к этому труду...» [4, с. 161].

В том же обращении к польскому поэту, который только что преподнёс ему «латинские стихи», Самозванец говорит о своей любви к поэзии, используя перифразу «парнасские цветы». Эта поэтическая формула «парнасские цветы» восходит к стихотворению К. Н. Батюшкова «Мои пенаты. Послание к Ж<уковскому> и В<яземскому>» (1811–1812) («Там Дмитриев сидит; / Беседуя с зверями, / Как счастливый дитя, / Парнасскими цветами / Скрыл истину шутя»³) и к лицейскому посланию самого Пушкина «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...», 1814): «Уже с венком из роз душистых, ... / Довольный счастливым началом, / Цветов Парнасских вновь не рвёшь...»⁴

Ещё раз «парнасские цветы» как перифраза поэзии упоминаются в незавершённом стихотворении Пушкина «О вы, которые любили...» (1821). Исследователи пушкинской поэзии считают его наброском посвящения к поэме «Гавриилиада»: «О вы, которые любили / Парнаса тайные цветы / И своевольные <мечты> / Вниманьем слабым наградили...»⁵

Во второй части реплики Самозванца, обращённой к польскому поэту, возникает ещё одна важная для Пушкина тема – тема поэтического пророчества:

Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!⁶

³ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1978. С. 266.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 72.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 199.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 54.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 151.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 431.

Уже не раз отмечалось, что тема поэта-пророка возникает во многих художественных произведениях и письмах Пушкина. Оставляя в стороне программное стихотворение «Пророк» (1826), которое требует отдельного рассмотрения, укажем только на одно произведение, где также звучит тема поэтического призвания: послание «К Языкову» («Издревле сладостный союз...», 1824). Здесь Пушкин называет поэтом-пророком своего друга А. А. Дельвига: «И муз возвышенный пророк, / Наш Дельвиг всё для нас оставит».¹

Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели только одну из проблем среди множества других, связанных с «Борисом Годуновым». За два века после написания этой трагедии и появления довольно большого количества работ о ней многое уже сделано. Так, в пушкиноведении возобладало мнение о том, что в изложении исторических событий и в интерпретации загадки гибели царевича Дмитрия Пушкин придерживается концепции Н. М. Карамзина, представленной в его «Истории Государства Российского». Однако профессор Ярославского государственного университета Е. А. Фёдорова в статье «Судьба России в исторических драмах А. С. Пушкина, А. К. Толстого и А. Н. Островского» (2024) справедливо замечает, что «в целом Пушкин следует за великим русским историографом, но вносит свои коррективы, особенно в осмысление характеров Бориса Годунова и Лжедмитрия» [5, с. 78].

Подведём некоторые итоги. В трагедии «Борис Годунов» Пушкину удалось реализовать то требование, которое он предъявлял драматическому писателю: «...воскресить минувший век во всей его истине».² Характеры всех персонажей

«Бориса Годунова» не только историчны, но обрисованы с художественной достоверностью и замечательной психологической правдой. Это в полной мере относится к летописцу Пимену и безымянному польскому поэту. Каждый из этих персонажей появляется только в одной сцене: Пимен в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», польский поэт – в сцене «Краков. Дом Вишневецкого».

Тем не менее, личность каждого из них, как живая, выступает в пьесе. Реплика, по существу монологам Пимена отведена в указанной выше сцене немало места, католический поэт наделён только одной репликой, но мы получаем полное представление о каждом из этих персонажей. Спокойная, можно сказать, эпическая величавость летописца Пимена противопоставлена суетливой угодливости придворного польского поэта. Пимен является воплощением русского национального характера, носителем православной духовности, польский сочинитель – представителем западноевропейской культуры и римско-католической церкви.

Каждый из них в своём роде поэт, результат деятельности обоих – «усердный труд». Но Пимен рассматривает свой труд как «долг, завещанный от Бога», а польский поэт надеется своим «бедным плодом» «усердного труда» заслужить благосклонность «великого принца», т. е. Самозванца. И Самозванец оправдывает эти корыстные ожидания поэта: «В моё воспоминанье / Прими сей дар. (Дай ему перстень)»³. Нетрудно понять, какому из двух персонажей – летописцу Пимену или польскому поэту – безраздельно отданы симпатии Пушкина.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 323.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 181.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 54.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гукровский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 416 с.
2. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. I. / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1987. 430 с.
3. Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VI: Реализм Пушкина и литература его времени. Л.: Наука, 1969. С. 118–149.
4. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / сост., вступ. ст., комм. Л. В. Дерюгиной. М.: Искусство, 1984. 458 с.
5. Фёдорова Е. А. Судьба России в исторических драмах А. С. Пушкина, А. К. Толстого и А. Н. Островского // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 76–92. DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-76-92.

REFERENCES

1. Gukovsky, G. A. (1957). *Pushkin and the Issues of Realistic Style*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoi literatury publ. (in Russ.).
2. Klyuchevsky, V. O. (1987). *Works. Vol. 1: Course of Russian History. Part I*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
3. Serman, I. Z. (1969). Pushkin and Russian Historical Drama of the 1830s. In: *Pushkin. Research and Materials. Vol. VI: Pushkin's Realism and the Literature of His Time*. Leningrad: Nauka publ., pp. 118–149 (in Russ.).
4. Vyazemsky, P. A. (1984). *Aesthetics and Literary Criticism*. Moscow: Iskustvo publ. (in Russ.).
5. Fedorova, E. A. (2024). The Fate of Russia in the Historical Dramas of A. S. Pushkin, A. K. Tolstoy, and A. N. Ostrovsky. In: *Russian Foundation for Basic Research Journal*, 2, 76–92. DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-76-92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джанумов Сейран Акопович (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; e-mail: DjanumovSA@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seyran A. Dzhanumov (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Philology, Institute of the Humanities, Moscow City University; e-mail: DjanumovSA@mail.ru